

УДК 821. 161. 1'36

Летова А. М.

Московский государственный областной университет

РОЛЬ ВЕГЕТАТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

A. Letova

Moscow State Regional University

THE ROLE OF THE VEGETATIVE METAPHOR IN FOLKLORIC LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Аннотация. Статья посвящена исследованию вегетативной метафоры с точки зрения антропо-морфного аспекта, направленного на выявление особенностей функционирования парадигматики 'растение – человек' в фольклорных текстах. Понятие вегетативной метафоры раскрывается на примере фольклорной семантики лексем-фитонимов 'цветок', 'лист', 'корень', которые позволяют проследить развитие разного рода 'архетипических' ассоциаций, связанных с положительной и отрицательной коннотацией. Обращение к фольклорной языковой картине мира, отражающей специфику народного художественного мировосприятия природных реалий, объясняется стремлением к систематическому описанию вегетативной семантики фольклорных единиц, нашедших своё отражение в устойчивых выражениях, актуальных в современной языковой ситуации.

Ключевые слова: фольклорная языковая картина мира, метафора, фитоним, вегетативная метафора, коннотация.

Abstract. The article is devoted to the vegetative metaphoric research in terms of anthropocentric aspect. This aspect can define semantic features of the paradigmatics 'plant – man' in folkloric texts. Vegetative metaphor is a term, which describes the folkloric semantics of phytonym-lexemes, such as 'flore', 'leaf', 'root', that allow to trace various kinds of 'archetypal' associations with positive and negative connotation. The folkloric linguistic picture of the world reproduces the metaphoric human perception of the natural reality. The purpose of this research is to reveal the systematic description of the folkloric semantics that functions in idioms and actual linguistic situation.

Key words: folkloric linguistic picture of the world, metaphor, phytonym, vegetative metaphor, connotation.

В последние десятилетия проблема отражения в сознании человека языковой картины мира (ЯКМ) стала одной из важнейших в лингвистике. Данному вопросу уделяется особое внимание в трудах Ю.Н. Караулова, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, А. Вежицкой, Ю.С. Степанова и др. Картина мира в философско-лингвистической литературе именуется как модель, отражающая результат взаимодействия человека с окружающей действительностью. Интерес к обозначенной проблеме обусловлен тем, что картина мира, как результат духовной активности человека, определяет менталитет любого лингвокультурного сообщества, а вместе с тем мировидение и миропонимание человека на определённом этапе культурного развития [5, с. 62]. В современной лингвистике ЯКМ стала анализироваться в рамках исследования мифа, поэзии, религии, фольклора.

Наше исследование направлено на рассмотрение фольклорной языковой картины мира (ФЯКМ), которая является фрагментарной, т. к. отражает образно-метафорическое восприятие человеком окружающей действительности, репрезентированное средствами языковой семантики в фольклорных текстах. ФЯКМ всё ещё одна из наименее изученных мировоззренческих систем, отражающая быт, нравы и культуру древних славян посредством вторичных фольклорных источников. Следует отметить справедливое утверждение О.С. Осиповой о том, что ФЯКМ требует дальнейших интерпретаций, т. к. «...любая воссозданная картина мира древних народов должна считаться гипотетичной, полемичной и не окончательной» [9, с. 3–4]. Трудность в исследовании ФЯКМ состоит в том, что она подчинена описанию эмоционального мира человека, его исторически сложившихся эстетических идеалов и представлений, связанных с культом природы. В данной статье обращение к ФЯКМ является закономерным условием для детального исследования и реконструкции семантики фольклорного слова, его метафорических компонентов.

В лингвистической литературе метафора рассматривается, как: 1) средство номинации; 2) один из способов семантической деривации, направленный на расширение смыслового объёма слова, развитие лексических оттенков значения; 3) результат творческого, образного мышления, средство познания. В нашей работе применительно к анализу фольклорного слова метафора исследуется с точки зрения когнитивного аспекта как одна из «исторических форм человеческого сознания» [16, с. 36]. По мнению О.М. Фрейденберг, «метафорическая картина» является отражением духовной культуры народа посредством имитативной образности обряда, действий, обычаев, которые послужили откликом первобытного человека на жизнь, окружающую действительность [16, с. 109]. В нашей работе фольклорные тексты с компонентом 'фитоним' анализируются с «гене-

тических позиций» [6, с. 4], т. е. возводятся к представлениям, быту и мышлению славян, к фактам древней жизни, утратившим актуальность, но нашедшим своё воплощение в волшебных сказках, обрядовой фразеологии, песнях календарно-обрядового типа.

О.Н. Трубачев указывал на «всепроницающую метафорическую природу человеческого языка» [13, с. 28], поэтому все слова, называющие растения, в русском фольклоре метафоричны и служат естественной основой эмоционально-образного переосмысления. Таким образом, растительная, вегетативная метафора является неотъемлемой составляющей семантики фольклорного слова, обозначающего реалию мира флоры, а также главным средством моделирования ФЯКМ. В данной работе исследуется антропоморфный аспект вегетативной метафоры, под понятием которой подразумевается актуализация признаков растений в номинации и описании человека (его характера, физиологии) по сходству свойств роста, жизненных циклов, возрастных этапов и др. В основе распространённого метафорического переноса 'растение – человек' лежат разного рода ассоциации, которые характеризуются как с положительной точки зрения, так и с отрицательной. Например, применительно к яркой и наиболее точной характеристике человека мы используем привычные для нашего сознания такие вегетативные идиомы, как: *в цвете лет, цветущий, молодо-зелено, зелёный, тоненькая, как тростинка, зрелый возраст* (выражающие положительную и нейтральную оценку человека), *тепличное растение, увядшая красота, шут гороховый, дубина стоеросовая, дуб, пень, лопух* и др. (употребляющиеся с отрицательной коннотацией).

Следует привести примеры антропоморфных наименований некоторых родных растений, средствами номинации которых являются основные термины родства: баба – 'подорожник', бабки – 'растение, вид шалфея', сестреница – 'лекарственное растение', 'ягода красная смородина', мать-

и-мачеха – ‘многолетнее травянистое растение из семейства сложноцветных’, братки – ‘анютины глазки’, кума – ‘берёза’, бабушка – ‘репейник, лопух’ и др. [4, с. 82–86]. Обозначенные примеры иллюстрируют мысль о том, что ‘вегетативный код’, используемый в номинации и идиоматических сочетаниях, отражает ‘архетипическую’ особенность мировидения человека, в основе которой соотношение и отождествление мира людей и растительной сферы.

В самой номинации лексемы ‘растение’ (от глагола ‘расти’, т. е. развиваться, увеличиваться в размерах) заложено стремление к расширению семантического объёма слова, лексического пространства, обозначенного понятием метафорическое поле [12, с. 28]. Состав текстовых метафор определяется тем, что в истории народной культуры растение и его части: цветок, лист, корень – мифологизируются, служат атрибутами многих обрядов, ритуалов и праздников, репрезентированных в ФЯКМ посредством вегетативно-метафорических приёмов: превращение, параллелизм, сравнение, сакрализация. Обозначенные приёмы являются традиционными в фольклорных текстах, они позволяют проникнуть в систему мировоззренческих значимостей древних славян, среди которых особое место отводится стремлению человека к одухотворению окружающего мира.

Традиционные фольклорные приёмы, построенные на отождествлении человека и растения, непосредственно связаны с фитонимом ‘цветок’, обозначающим в современном русском языке «травянистое растение, в пору цветения имеющее яркую, часто ароматную, распускающуюся из бутона головку или соцветие» [8, с. 860]. Чувственно-эмоциональное восприятие человеком данной растительной реалии содержит положительную оценку, заложенную в коннотации лексемы. Так, в сознании человека цветение и зелень издавна ассоциируются с понятиями ‘жизнь’, ‘здоровье’, ‘молодость’, что находит своё объяснение в этимологии слова: о.-с. *kvęť с и.-е. базой *kuei-t, *k’uęi обозначает буквально

«светить», т. е. «излучать свет», «казаться привлекательным» [19, вып. 13, с. 161–162], [18, т. 2, с. 362–363].

В идиомах с компонентом ‘цветок’ положительная коннотация сохраняет свою значимость. Исследуемые фразеологизмы систематизированы в результате выявления актуализированных сем: ‘здоровье’, ‘красота’, ‘молодость’ человека – *быть в цвету, набирать цвет, цвет жизни, юности, в полном цвете сил, в самом цвету, цветущее здоровье, лицо, тело*; ‘успешность’ – *процветать, цветущее положение, состояние* [15, т. 2, 719 – 721].

В ФЯКМ метафорическое поле слова ‘цветок’ составляют такие компоненты, как: ‘красота’, ‘девичество’, ‘любовь’, ‘чудо’, ‘счастье’, ‘радость’. Так, вегетативная метафора ‘красота’, ‘девичество’ актуализируется в контексте волшебных сказок в результате традиционного фольклорного приёма превращение: *«Начал цветок расти, красоваться. Раз как-то <...> чудо совершилось: вдруг **цветок** зашатался, упал с ветки наземь – и обратился красной девицей; **цветок** был хорош, а девица лучше!»* [1, т. 3, с. 126]. Подобный антропоморфный приём объясняется особенностью восприятия окружающего мира славянами, которые стремились осмыслить действительность путём сопоставления своей жизни с жизнью природы: *«Что лазоревый **цветок** – Красны девушки у нас...»* [7, с. 39].

В волшебных сказках метафорическое поле фитонима непосредственно связано с эмоционально-чувственной сферой, тем самым ‘цветок’ является вестником радости, чуда, счастья: *«Царь узнал, что в таком-то месте есть девица, которая когда рассмеётся – то будут розовые **цветы**, а когда заплачет – то жемчуг, и захотел на ней жениться»* [1, т. 2, с. 394]. Яркой иллюстрацией подобного осмысления растительной реалии может послужить сказка об аленьком цветочке: *«А меньшая говорит: «Купи мне аленький **цветочек**». Засмеялся старик над меньшою дочкою: «Ну что тебе, глупенькая, в аленьком **цветочке**? Много ли в нём корысти!». «Про-*

дай мне, старинушка, твой **цветок!**» – «Он у меня не продажный, а заветный; буде младшая дочь твоя пойдёт за моего сына – Финниста ясна сокола, там отдам тебе цветок даром» [1, т. 2, с. 241].

В волшебных сказках положительную коннотативную оценку фитонима 'цветок' отражают не только особенности функционирования в фольклорных текстах, но и его синтагматика: *лазоревый, чудный, розовый, аленький, заветный* и др. Так, семантическое своеобразие обозначенных колоративов (семантика слов, называющих цвет в фольклоре) [17, с. 57] состоит в том, что в контексте сказок они приобретают общую потенциальную для них сему 'сверхъестественность', актуализируемую в сочетании с фитонимом.

Особое значение 'цветок' занимает в песнях календарно-обрядового типа весенне-летнего цикла. Внимание к растению объясняется тем, что 'цветок' играл значительную роль в обрядовой культуре, служил средством украшения помещений, одежды. Во время обрядовых действий, гаданий девушки вплетали его в косы, использовали для изготовления «юрьевских» венков, которые служили обязательным головным украшением, составляли основу обрядности Юрьева дня [11, т. 1, с. 317–321]. Подобная динамика сопровождалась песнями: «...Я пойду ли, молоденька, Во зелёный сад гулять. Калина моя! Ой, малина моя! Со травы сорву **цветок**, Заверну его в платок. <...> Что не сохнет ли, не вянет ли Мой аленький **цветок**, Что не плачет ли, не тужит ли Мой миленький по мне...» [7, с. 45]. Приём параллелизма в текстах обрядовых песен позволяет рассматривать 'цветок' как метафору любви, счастья, а его увядание олицетворяет тоску, боль разлуки с любимым.

Таким образом, исследование семантических особенностей фитонима 'цветок', его положительной коннотации, позволяет проникнуть в эмоционально-чувственную сферу человека, закодированную языковыми средствами в фольклорных текстах и идиоматических сочетаниях, в которых данная

растительная реалия представлена как метафора красоты, счастья, любви.

В народной культуре положительно описываются листья трав. Номинативное значение лексемы 'листок' – «орган воздушного питания и газообмена растений в виде тонкой, обычно зелёной пластинки» [8, с. 321]. Происхождение данной лексемы О.Н. Трубачёв объясняет этимологическим родством с глаголом *listati в значении «пускать (побеги)», «покрываться листьями». Таким образом, можно представить следующую семантическую реконструкцию слова 'листок': *list < *lie-st- («пускать, выбрасывать росток, побег, лист»), «лист (растение)» < «выпущенный, выброшенный отросток» [19, вып. 15, с. 144].

В ФЯКМ 'листок' является отражением вегетативной метафоры 'свежести', 'здоровья', 'молодости'. Так, в народе для лечебных, обрядовых целей сбору листьев трав и их заготовке уделялось особое внимание, подобное действие сопровождалось народными песнями, заговорами: «Земля-Матушка, помоги рвать травки ради всякого угодья, ради всякого здоровья. Тако бысть, такое си, тако буди!» [14, с. 19]. Славяне часто обращались к природе за помощью, так как «природа воспринималась <...> как божественная среда, окружающая человеческий мир» [9, с. 32].

В ФЯКМ фитоним 'лист' является образно-метафорическим осмыслением таких свойств и признаков человека, как трусость, страх, боязнь. Подобное представление выражается в идиомах: *дрожать как лист, дрожать как осенний лист, трястись (трепетать) как осинový лист, дрожать/задрожать (трястись/затрястись) как осинový лист* в значении «испытывать страх, боязнь; трястись от страха» [2, с. 386]. Указанные идиомы функционируют в контексте волшебных сказок: «...свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, **как лист перед травой**» [1, т. 1, с. 270]; «Послушай, брат! – говорит Антон. – Бедовая туча к нам несётся», – а сам **как лист трясётся**» [1, Т. 2, с. 97]. Существует не-

сколько точек зрения по поводу происхождения обозначенных выражений. С одной стороны, они рассматриваются как образно-метафорическое осмысление природных наблюдений, а именно устройства листового черенка осины (или другого дерева), посредством которого лист дрожит от малейшего движения воздуха. С другой – возводятся к преданию о том, что на осине повесился Иуда-предатель, тем самым осквернил дерево и осудил вечно дрожать [2, с. 386].

Таким образом, в ФЯКМ фитоним 'листок' может актуализировать противоположные по коннотативной оценке метафорические значения: 'свежесть', 'здоровье', 'молодость', а также 'страх', 'трусость'. Подобное восприятие фитонима, по мнению А.Н. Афанасьева, объясняется идеей дуальности (противопоставление добра и зла), связанной в ФЯКМ с растительной сферой. Таким образом, по представлению славян, такая часть растения, как 'цветок', прежде всего рассматривается как символ доброго начала, фитонимы 'лист', 'корень' в своём значении содержат как положительные, так и отрицательные коннотативные компоненты.

Номинативное значение фитонима 'корень' – «нижняя, находящаяся на земле часть растения, с помощью которой оно приобретает устойчивость и происходит процесс всасывания почвенных соков» [18, т. 1, с. 428–429]. Негативный сакральный подтекст, связанный с фитонимом, объясняется тем, что, по мифологическим представлениям славян, корень считался проводником в подземный мир, элементом хтонической сферы, местом обитания демонов, духов (прежде всего из-за антропоморфного вида корневища, напоминавшего человеческую фигуру). Подобное символическое восприятие фитонима зародило у людей опасение выкорчевывать стволы деревьев с корнем, поэтому «прежде чем срубить дерево <...> к его корням клали как жертву хлеб, соль, деньги» [11, т. 2, с. 595]. Данная народная традиция нашла своё отражение в контексте волшебных сказок, в сюжете которых герой мог обнаружить

в корнях деревьев различные дары, богатства: «... в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и серебра, и камня драгоценного. Возьми лопату и рой – даст тебе господь денег на целый век!» [1, т. 2, с. 310].

Фитонимический сакральный смысл, который в данной работе рассматривается через спектр понятий 'таинственное', 'магическое', 'сверхъестественное' [3, с. 4], представлен в обрядовой фразеологии. Так, в народе известны выражения с компонентом 'корень', характеризующие действия человека: *корням обвести*, т. е. «заговорить, околдовать кого-л.», *рыть [лютые] коренья* – «заниматься знахарством (колдовством)» [2, с. 343]. Указанные идиомы восходят к языческим представлениям о корне как о чародейском средстве исцеления, а также порчи и т. д. Такое употребление слова наблюдается в народных песнях: *Тут ходила-гуляла душа красна девица, А копала она коренья, зелье лютое, И хотела извести своего недруга* [2, с. 343]. Подобные осмысления объясняют бытование в старославянском языке таких слов, как 'корение' в значении «волшебство, чары», 'коренитец' – «знахарь», 'коренья' – «лекарство» [10, с. 391].

Положительная коннотативная оценка связана с восприятием и осмыслением фитонима 'корень' в значении 'основа', 'род' в ФЯКМ. Так, мотив значимости корня по отношению к другим частям растения реализуется в контексте фразеогизма *кому корешки, кому верхки* – «нар. шутил.-ирон. о несправедливом, неравном дележе чего-л.», источником которого послужила сказка «Мужик и медведь» [2, с. 343]. Эмоционально-образное переосмысление фитонима 'корень' в значении 'род', 'семья' наблюдается в контексте сказа, в котором ветки дерева олицетворяют детей, корень – отца: *У отца их двое было: старший сын – Михаил, младший – Иван. Две ветки на одном дереве, корне, а обе разные* [7, с. 125]. Обозначенные примеры объясняют бытование в народе слова 'коренья' в значении «порода, племя, род» [19,

вып. 11, с. 66], источником которого, по мнению О.Н.Трубачёва, является следующее семантическое развитие лексемы: «о.-с. *koęęъ восходит к и.-е. *kuęę < «делать», «класть, ставить, закладывать основу, основание» [19, вып. 11, с. 65]. Указанное значение не утрачивает своей актуальности в современном русском языке: 'корень' – «перен. начало, источник, истоки чего-н.» [8, с. 290].

Фитоним 'корень' в значениях 'сила', 'основа', 'род', 'семья' послужил источником распространения актуальных для современного русского языка идиом, используемых в речи применительно к характеристике действий, поступков человека: *корни пустить* – «а) прочно, надолго обосноваться где-л.; обзавестись хозяйством; б) получить особую силу, постоянство; о чувствах, привычках, переживаниях»; *корнями вращи, прирасти* – «сильно привязаться, привыкнуть к чему-л.; твёрдо обосноваться где-л.»; *под корень подрубить, подкосить* – «подорвать самое основание чего-л.; окончательно подорвать, уничтожить, нанести непоправимый вред»; *с корнем вырвать* – «решительно порвать с кем, чем-л., окончательно устранить что-л.»; *до корней волос (краснеть, покраснеть)* – «сильно покраснеть»; *добираться, докапываться до корней* – «до основания чего-л.»; *в корне* – «совершенно, окончательно, в самой основе»; *в корень (глядеть, смотреть)* – «вникать в сущность дела, обстоятельств и т. п. [15, т. 2, с. 832]. Представленные идиомы отражают вегетативную метафору: пустив корни, растение приживается и крепнет подобно тому, как человек привыкает и обосновывается на родной земле, противоположный образ у оборота *вырвать с корнем*.

Таким образом, в ФЯКМ метафорическое поле фитонима 'корень' представлено значениями, которые содержат отрицательный коннотативный компонент: 'чары', 'волшебство', 'колдовство', 'порча', а также положительный, связанный с эмоционально-образным осмыслением понятий 'основа', 'начало', 'источник', 'род', 'семья'.

Итак, вегетативная метафора позволяет проследить фрагмент развития семантического пространства антропоцентрической парадигматики 'человек – природа' в ФЯКМ, выявить закономерную связь между запасом сведений о природных явлениях, зафиксированным в фольклорных текстах, и тем объёмом информации, отражённым в словарных дефинициях и идиомах, которые сохраняют свою актуальность для современной языковой личности. Проанализированный материал, связанный с фольклорной семантикой компонентов 'цветок', 'листок', 'корень', свидетельствует о том, что вегетативная метафора посредством фольклорных текстов отражает общность мировоззренческих идей славян, основанную на положительной и отрицательной оценке отдельных свойств растительных реалий. Так, в фольклорном дискурсе 'цветок' как эстетически значимый предмет мира, воплощение красоты жизни, природы является метафорой 'счастья', 'любви', 'девичества', 'чуда', 'радости'; 'лист' – метафора 'свежести', 'здоровья', 'молодости', олицетворение национального проявления таких черт поведения, как трусость, боязнь; 'корень' – метафора исторической основы, 'рода', 'семьи', а также является выражением сакрального спектра понятий с негативной коннотацией: 'таинственность', 'чары', 'волшебство', 'колдовство'. Исследование устойчивых выражений с фитонимическим компонентом показало, что фольклорная вегетативная семантика, переломленная через волшебные сказки, обрядовые песни, сакральные заговоры, не утрачивает своей актуальности в современной языковой ситуации и находит своё отражение в следующих идиомах: *быть в цвету, в полном цвете сил, цвет жизни, юности, в самом цвету, цветущее здоровье, дрожать как осенний лист, корнями вращи, прирасти, добираться, докапываться до корней* и др. Таким образом, выделение и описание фитонимических единиц приводит к выводам об особенностях ФЯКМ, отражающей запас знаний славян об определённых объектах природы, специфич-

ку уклада жизни и систему представлений о мире, главным средством познания которого служит метафора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. В 3 т. – М.: Художественная литература, 1957.
2. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926 с.
3. Бурмистрова Т.Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Екатеринбург, 2008. – 28 с.
4. Летова А.М. Тип номинации «человек»-«фитоним» как результат семантической деривации «терминов родства» // Актуальные вопросы филологии. Материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей: Сборник научных трудов. Выпуск V. – М.: ООО «Диона», 2009. – 124 с.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 296 с.
6. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. – М.-Спб.: Академия Исследований Культуры, Традиции, 2005. – 240 с.
7. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. – Вып. 3. – М.: Худож. лит., 1994. – 525 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
9. Осипова О.С. Славянское языческое миропонимание (философское исследование). – М., 2000. – 60 с.
10. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1958. – 1284 с.
11. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. В 5 т. Т. 1, 2. – М.: Международные отношения, 1995.
12. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 400 с.
13. Трубачёв О.Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание. XII Межд. съезд славистов. – М., 1998. – 205 с.
14. Труш А.Н. Материалы из наследия славяноарийских народов. Т. 12. Древнерусское славянское ведическое целительство. – М.: Элисто, 2007. – 87 с.
15. Фразеологический словарь современного русского литературного языка /Под ред. А.Н. Тихонова. В 2 т. Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
16. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
17. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 192 с.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. В 2 т. Т. 1, 2. – М.: Русский язык, 1993.
19. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд /Под ред. О.Н. Трубачёва. – М.: Наука, вых. с 1974. Вып. 11, 13, 15.